

20 МАЯ 1965

г. Москва

Газета №

реплики

КАК НАУЧИТЬСЯ ПЕРЕПИСЫВАТЬ

У нас есть (правда, очень небольшая) литература о том, как учиться писать. Но у нас совершенно нет методической литературы для начинающих... плагиаторов.

Своим опытом стоило бы поделиться Вяч. Ануфриеву, опубликовавшему в журнале «Театр» (№ 3 за 1965 г.) статью «Трагический гений». Он обошелся с книгой Л. Малюгина «Хмелев» удивительно искусно: заимствовано многое, и в то же время — в глаза не бросается. Достигается это легкой и непринужденной заменой или перестановкой некоторых слов.

Вот как, например, описывается внешность хмелевского Пеклеванова.

У Л. Малюгина:

«Мы знакомились с ним на берегу моря.. На сцену выходил небольшой, тщедушный человек, сутулящийся, в очках, в измятой кепке... с небрежно повязанным галстуком».

У Вяч. Ануфриева:

«В сцене на берегу моря перед зрителями неожиданно появлялся сутулый, тщедушный человек в очках, с кое-как повязанным галстуком».

Не очень много разногласий у Вяч. Ануфриева с Малюгиным и в характеристике нравственного облика Пеклеванова.

У Л. Малюгина:

«Хмелевский Пеклеванов не столько поучал, сколько учился сам».

У Вяч. Ануфриева:

«Пеклеванов—Хмелев не столько воспитывал и поучал других, сколько учился сам».

Полное единодушие и в оценке хмелевского Турбина.

У Л. Малюгина:

«Хмелев... превосходно выполнил свою трансформаторскую задачу — мы увидели блестящего офицера...

не теряющего выдержку в самых трудных условиях. У него была своеобразная чеканная речь и особая манера разговаривать, если не высокомерная, то чуть-чуть снисходительная по отношению к собеседнику».

У Вяч. Ануфриева:

«В роли Турбина Хмелев продемонстрировал удивительное искусство трансформации. Мы увидели никогда не теряющего выдержки, блестящего офицера с чеканной речью и своеобразной манерой разговаривать — чуть свысока по отношению к собеседнику».

В книге Л. Малюгина подробно описывается сцена: Хмелев—Турбин в вестибюле гимназии. Вяч. Ануфриев переписал ее почти слово в слово. Впрочем, ледяное спокойствие он все же переменял на замораживающее.

Впрочем, в своем переписывании

Вяч. Ануфриев допустил один серьезный промах.

Л. Малюгин так заканчивал характеристику хмелевского Тузенбаха:

«Эта работа Хмелева была недооценена нашей критикой... И как Ирина лишь после гибели Тузенбаха оценит бескорыстие и душевную красоту этого человека, мы после смерти артиста пойдем всю значительность созданного им образа».

Привыкший пользоваться чужими мыслями и словами, Вяч. Ануфриев пишет, что хмелевский Тузенбах «был так же не оценен критиками при жизни артиста, как была не оценена Ириной при жизни Тузенбаха его душевная красота, открывшаяся ей лишь после его гибели».

Вот это, пожалуй, уже лишнее. Плагиаторы никогда не упрекали критиков, они всегда держались скромно и тихо.